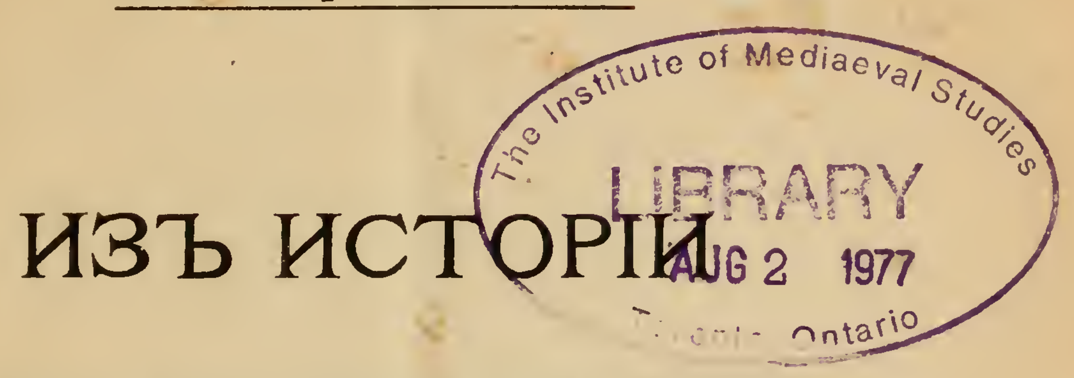

М. Довнаръ-Запольскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ВОЛЫНЬ.

(ДОГОВОРЫ 1366 г.)

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
В. I. Завадзкаго Б.-Васильковская ул. д. № 29—31.
1896.

Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1896 годъ.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Изъ исторіи литовско-польской борьбы за Волынь.

(*Договоры 1366 года*[1]).

Исторія Галицко-волынской земли интересовала до настоящаго времени многихъ изслѣдователей какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ: какъ политическое, такъ и культурное положеніе этой земли, въ ея прошломъ и настоящемъ, возбуждало вниманіе историковъ. Но свойство источниковъ галицко-волынской исторіи таково, что многіе вопросы ея разъясняются чрезвычайно медленно, только дружными усиліями многихъ изслѣдователей. Особенно много вниманія удѣляютъ XIV вѣку. Источники галицко-волынской исторіи этого времени настолько сбивчивы и противорѣчивы, что единственный способъ найти истину,—это, по мнѣнію великаго знатока данной эпохи доктора Прохаски,—тщательный анализъ только современныхъ хроникъ и особенно дипломатическихъ актовъ, при совершенномъ игнорированіи позднѣйшихъ источниковъ [2]).

Въ настоящее время количество такихъ темныхъ вопросовъ, благодаря новѣйшимъ трудамъ гг. Линниченка, Прохаски, Филевича, Лонгинова, Ржежабека и др., въ значительной мѣрѣ уменшилось и исторія Галиціи и Волыни, съ ихъ запутанными политическими и культурными отношеніями къ Польшѣ и Литвѣ, начинаетъ проясняться.

Тѣмъ не менѣе остается еще нѣсколько вопросовъ, затронутыхъ уже предшествующими трудами, но далеко не разъясненныхъ.

Къ такимъ вопросамъ относится вопросъ о двухъ договорахъ короля Казимира съ Литовскими князьями 1366 года.

Изъ краткаго лѣтописнаго извѣстія мы знаемъ, что Казимиръ В. въ 1366 г. отправился съ сильнымъ войскомъ на Русь; здѣсь ему

---

[1]) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Славянской Ком. И. Моск. Арх. Общ.

[2]) W sprawie zajęcia Rusi przez Kazimierza W., Kwartalnik Histor., 1892 г., В. 2, p. 2.

поддался Юрій Белзскій; за это Юрій получилъ отъ Казимира Белзъ и Холмъ. Затѣмъ Казимиръ овладѣваетъ Владиміромъ съ его областью, принадлежавшей тогда Любарту [1]). Правдоподобно, что результатомъ этого похода явилилось два договора: одинъ, заключенный Казимиромъ со всѣми литовскими князьями, Явнутомъ, Кейстутомъ, Ольгердомъ и Любартомъ, другой—заключенный съ однимъ только Любартомъ. Обоими договорами Казимиръ стремится закрѣпить за собою вновь пріобрѣтенную область, составлявшую предметъ его давнихъ желаній: оба договора заключаютъ въ себѣ опредѣленіе границъ Владимірской области и пограничныхъ и личныхъ отношеній договаривающихся сторонъ.

Договоръ, заключенный Казимиромъ съ литовскими князьями, извѣстенъ намъ не въ подлинникѣ, а въ выдержкѣ, помѣщенный въ исторіи Нарушевича [2]) и въ копіи. Второй договоръ, заключенный съ однимъ только Любартомъ, сравнительно недавно опубликованъ въ „Архивѣ кн. Сангушекъ [3]); оба акта безъ даты. До опубликованія втораго договора никто не сомнѣвался въ подлинности перваго [4]). Но послѣ появленія втораго договора, г. Филевичемъ въ его книгѣ „Борьба Польши и Литвы — Руси за Галицко-волынское наслѣдіе“ былъ выставленъ рядъ аргументовъ, которыми онъ хотѣлъ доказать подложность договора, напечатаннаго у Нарушевича. По его мнѣнію, договоръ этотъ не заслуживаетъ „рѣшительно никакого вниманія, онъ представляетъ позднѣйшую и притомъ весьма грубую поддѣлку. При сопоставленіи съ несомнѣнной подлинности документомъ она очевидна“ [5]). Сопоставленіе обоихъ документовъ приводитъ г. Филевича къ такому выводу: ему представляются сомнительными военныя успѣхи Казимира, выразившіеся захватомъ громадной территоріи, переходившей за Припять; тогда какъ по договору съ Любартомъ область, отнятая Казимиромъ, по мнѣнію г. Филевича не переходила за Стоходъ и верховья Туріи. Наконецъ, ему представляется вопросъ такъ,

---

[1]) Янъ изъ Чарнкова, Mon. Pol. H., II, 631: Anno autem 1366 Kazimirus... Russiam potenter intravit, cuius servitio dux Georgius de Belz se subdidit... Rex autem terram Wladimiriensem, quam Lubardus tenebat, cum omnibus castris terrae ejusdem potenter acquirens, duci Alexandro . . . dedit, praeter castrum Chelm, quod dedit duci Georgio.

[2]) Нарушевичъ, Historya, 1837 г., IX, p. 245—7. Daniłowicz, Skarbiec diplomatów, I, p. 210, гдѣ приведены данныя объ этомъ документѣ; повидимому, Чацкій видѣлъ подлинникъ.

[3]) Arch. Ks. Lubart.—Sang., t. I, p. 1.

[4]) Изъ новѣйшихъ изслѣдователей см., напр., Антоновича, Монографіи, т. I, p. 131; Молчановскаго, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, p. 203, Андріяшева, Очеркъ Исторіи Волынской земли, p. 217.

[5]) Борьба . . . p. 107.

что при существованіи обоихъ договоровъ, договоръ съ Любартомъ могъ быть только *предварительнымъ соглашеніемъ* Любарта съ Казиміромъ, требовавшимъ санкціи остальныхъ князей, и какъ въ такомъ предварительныя условія должны бы совпадать съ окончательнымъ договоромъ, какимъ могъ быть договоръ, помѣщенный у Нарушевича. А такого совпаденія ни въ географическомъ, ни въ др. отношеніяхъ нѣтъ. Ему представляются также сомнительными права Казиміра на Дрогичинъ, Бѣльскъ, Мельникъ и др. [1]).

Книга г. Филевича вызвала оживленную полемику, коснувшуюся и договоровъ 1366 г. Изъ этой полемики выяснилось, что договоръ у Нарушевича заподозривать нѣтъ основаній. Цѣнныя указанія по этому поводу были сдѣланы И. А. Линниченкомъ.

Возражая г. Филевичу, г. Линниченко указалъ въ защиту подлинности договора, что онъ зарегистрованъ въ инвентарѣ Кромера, что Польша издавна стремилась къ захвату Подляшскихъ городовъ [2]).

Наконецъ, г. Чучинскимъ была напечатана, правда очень неисправная, и русская копія того же договора изъ текъ Нарушевича, но и эта копія даты не имѣетъ [3]). Обмѣнъ мнѣній по данному воп-

---

[1]) Борьба, р. 105—106

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1891 г., іюнь, 470—471.

[3]) Чучинскій извлекъ опубликованную имъ копію договора изъ текъ Нарушевича (Muz. XX. Czart., № 8, л. 245—247); документъ имѣетъ приписку: „Orygināł jest w archiwum Koronnem z dwiema pieczęciami, jedna popsuta, druga z wyrazem męża zbrojnego, w jednej ręce miecz goły, w drugiej tarczę trzymającego“ Г. Ч. сообщаетъ, что въ той же текѣ на л. 249 находится латинскій переводъ нашего трактата съ помѣтой „ex ms. arch. St. Aug. reg. collect. Dogelii“. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не издалъ и латинскаго текста; неяснымъ также остается: русская копія въ текахъ Нарушевича снята русскимъ алфавитомъ или латинскимъ, какъ она издана въ „Kwartalnik'ѣ“. Въ виду важности договора и малой распространенности въ Россіи польскаго историческаго журнала, приводимъ цѣликомъ напечатанную г. Чучинскимъ копію договора:

A se ja, kniaź wielikyi Olherd, s swoieiu bratiiem (?), s Kieystutiem, s Iawnutiem, s Lubortom i s swoimi dietmi uczynili ieśmy mir s swoim bratom korolem polskim Kazimirom is bożyi miłosti i s kniaziem s Iuriem i s druhim Iuriem i s Ollexandrom; a to bud swiedomo wsiakomu, koli kto na tot list smotryt. Ože na tom sia iśmo mirili. Kniaziu Lubortu łuckaju ziemlia so wsiemi wołostmi otczyznymi i s sieły, kak iz dawna poszło, Stożek, Daniłow, Zakamian, Sziumesk, Ostroh, Polonyi (*Połonyi*), Meżybożyie; a i ieszczo k Lucku odstupił sia Korol wołodymierskich wolosti: Wietły, Zbiaz (*Любязь*), Czerneczhorodok, Kamian, Mielnica. A Wołodymier korolewi dostał sia s tiemi wołostmi: Horodel, Luboml, Turynsk, Ratew, Koszer, Włuczym. A kniaź wielikyi s swoim bratom s Lubortom sstupił sia korolewi i Kremianca, Peremila, Oleszka, Bełza, Grabowca, Chołma, Szczebreszyna, Lopatyna. A kończali ieśmy meży soboiu mir wiecznyi. A koli jaz poydu, kniaź wielikyi, s bratom swoim korolem na woynu, tohda poyty Lubortowi is wsiemi ludmi swoiemi; a koli korolewi na dobie (*надобе*) na swoie niepryiatele, Lubortowi pomohati swoimi ludmi; a koli na dobie (*надобе*) budiet Lubortowi na swoie niepryiatiele, korolewi iemu pomahaty. A pro obidy pro wsiakiee, cze sia (*што ся*) uczynił (*учинить*) kniazim ludiem krywda od korolewa czełowicka, ili od Iuriewa, ili od Alexandrowa, pro to nie iskaty korola ni kniazia. Sudi na to: lubelskyi pan Krot, podkomoryi korolew pan Rafał; a od knia-

росу окончательно устанавливаетъ слѣд. положенія: 1) подлинность договора, напечатаннаго у Нарушевича [1]), 2) датировку обоихъ договоровъ, относимую къ 1366 [2]). Территорія, обозначенная договоромъ

zia od wielikoho Jelczar (*Jelezar*), a ot Luborta Iwan Mostyrzynskyi (*Мстишинскій*); a suditi na Buzie u Hurodla, a suditi korolewym sudiam Polonina po polskomu zakonu i winu na nem wziati po polskomu, a ruskim sudiam suditi po swoiemu zakonu i winu wziati po ruskomy zakonu. A na korolewyie ziemli na ieho łowiszczach naszym ludiem nie łowiti ni zwiera, ni bobra, ni ryb, ni siena kositi, ni w bortuniu (*бортную*) zemlu nie wstupati sia. Takoże i korolowym ludiem nie łowity na kniazia wielikoho ziemli i na Kieystutowoy i na Jewnutiewoy i na Lubortowoy takoże nikakaho zwiera nie łowity, ni ryb nie łowity, ni siena kosity, no kak poszlo izdawna. A za cholopom i za winowat'cem nie stoiaty. A korolewi nie wstupowaty sia w kieystutowy horody, w Beresti, i w Kamiance, w Drohiczyn, w Mielnik, w Bielsk, w Kobryn, kniazia wilikoho horod, wo wsie tyie hranicy nie wstupowaty sia. A szto hramoty perwyie pisany meży namy y prysiahy, a szto sia ne stało o tiech hramotach, toho nie pominaty i hramoty dawnyie worotyty meży soboiu a od toho byty porożnym. A koli dast Boch budiet s niem (*снемъ*), tohda nowyie hramoty damy meży soboiu, a tot iesmo mir uczynili meży soboiu bezo wsiakoie lukawosty i bezo wsiakoie chytrosty, na tom iesmo i peczaty swoi prykładali".

Kwartalnik Historyczny, 1890 г., p. 513.

[1]) Съ этимъ долженъ былъ согласиться и самъ г. Филевичъ, см. его отвѣтъ критикамъ „Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы—Руси", Ж. М. Н. Пр., 1891 г., декабрь, p. 341. Подлинность договора установлена г. Линниченкомъ, Ж. М. Н. Пр., 1891 г., іюнь, p. 470—472, г. Чучинскимъ въ рец. на книгу Филевича, Kwartalnik Historyczny, 1891 г., p. 176; онъ считаетъ договоръ Любарта съ Казимиромъ заключеннымъ послѣ договора со всѣми князьями. Ср. Леонтовича, Очерки по исторіи литовско-русскаго права, СПБ., 1894 г., p. 209.—Рец. г. Лисевича (Przewodnik literacky i naukowy, 1891, I и II) я, къ сожалѣнію, не могъ достать.

[2]) Ср. Филевичъ, Борьба, p. 105, Arch. ks. Lubart.—Sang., t. I, примѣч. 1, Линниченко, op. cit., p. 470.

Въ вопросѣ о подлинности договора со всѣми князьями большую роль играетъ то обстоятельство, что договоръ принципіально сходится съ извѣстіемъ Яна изъ Чарнкова и Длугоша (къ полякамъ отходитъ Владиміръ, Олеско, Белзъ и Холмъ), и то, что договоръ зарегистрованъ въ инвентарѣ Кромера. Сходствомъ договора съ извѣстіемъ Яна опредѣляется и вѣроятность его даты: въ 1368 г. Кейстутъ уже отчасти нарушилъ договоръ, напавъ на Пултускъ, M. P. H., II, 361, о послѣднемъ нарушеніи только что заключеннаго мира говоритъ и булла Урбана V (Theiner, M. P., I, № 888, также у Нарушевича, Historya, 1837 г., IX, p. 250). При этомъ слѣдовало бы принять во вниманіе, что подлинный договоръ былъ извѣстенъ не только Нарушевичу, но и Чацкому (см. замѣчаніе у Даниловича, Skarbiec, № 432). Относительно даты договоровъ слѣдуетъ прибавить замѣчаніе Яна изъ Чарнкова о томъ, что Александръ Коріатовичъ Владимирскую землю usque ad mortem regis tenuit, fidelitur sibi servivisse (l. c.), между тѣмъ, какъ плоды польскихъ побѣдъ 1349 г. были потеряны. Далѣе, относительно лицъ, упомянутыхъ свидѣтелями договора Любарта съ Казимиромъ, обращаетъ вниманіе то обстоятельство, что Иванъ Мстишинскій упомянутъ въ обоихъ договорахъ; Васько Кирдеевичъ упомянутъ еще въ числѣ поручителей предъ Ягайлой за Олехна въ грамотѣ 1388 года, слѣд., *быть можетъ*, относится къ болѣе позднему поколѣнію; къ сожалѣнію, относительно времени управленія луцкою епископіею владыки Арсенія, по отсутствію свѣдѣній, трудно что либо сказать опредѣленное: около 1335 г. упоминается епископъ Трифонъ, а въ 1393 г. Іоаннъ (Ивановъ, Ист. судьбы Волынской земли, Од., 1895, 280), въ промежутокъ 1335—1393 правилъ Арсеній, но точнѣе опредѣлить его время нельзя.

со всѣми князьями, также не возбуждаетъ сомнѣній, потому что всѣ названныя въ немъ мѣстности находятся на картѣ и въ настоящее время.

Далеко не такъ опредѣленно стоитъ вопросъ о договорѣ Любарта съ Казимиромъ. Отношеніе его къ договору всѣхъ князей еще не можетъ считаться выясненнымъ. Хотя И. А. Линниченко и было высказано мимоходомъ нѣсколько вѣсскихъ замѣчаній о сходствѣ условій обоихъ договоровъ, тѣмъ не менѣе г. Филевичъ въ своемъ отвѣтѣ критикамъ продолжаетъ настаивать на томъ, что границы, обозначенныя обоими договорами, не совпадаютъ вполнѣ, что договоръ у Нарушевича „не могъ предшествовать частному договору Любарта съ Казимиромъ“ [1]). Г. Леонтовичъ находитъ значительную разницу въ условіяхъ обоихъ договоровъ, считаетъ, что Казимиръ сдѣлалъ Любарту рядъ уступокъ, сравнительно съ общимъ договоромъ, какъ въ территоріальномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ; поэтому онъ считаетъ договоръ Любарта съ Казимиромъ сепаратнымъ и дополнительнымъ договоромъ къ договору со всѣми князьями, заключеннымъ между 1366 и 1370 гг. [2]). Въ недавно вышедшемъ трудѣ г. Иванова встрѣчаемъ совершенно противоположное толкованіе условія о торговлѣ: онъ считаетъ, что Любартъ дѣлаетъ торговыя уступки Казимиру и, наконецъ, повторяетъ мнѣніе г. Филевича о томъ, будто этотъ договоръ показываетъ, какъ незначительны были владѣнія Казимира на Волыни, ограничиваясь однимъ г. Владиміромъ съ небольшимъ округомъ [3]).

Существуетъ также сомнѣніе относительно того: договоръ съ Любартомъ имѣетъ характеръ временнаго соглашенія, или „вѣчнаго мира“ [4]).

Приведенный обзоръ мнѣній изслѣдователей, интересовавшихся договоромъ, позволяетъ мнѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе: въ частностяхъ, одними изъ изслѣдователей были сдѣланы цѣнныя указанія на значеніе договора Любарта и его отношенія къ договору Казимира со всѣми князьями, но въ представленіи другихъ договоръ еще остается темнымъ мѣстомъ. Причина этого та, что онъ не былъ въ должной мѣрѣ проанализированъ.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1891 г., дек., р. 341.

[2]) Очерки по ист. литов.—р. пр., р. 210—211. Въ вопросѣ объ уступкахъ торговыхъ со стороны Казимира того же мнѣнія держатся и издатели Arch. Sang., t. I, p. 153.

[3]) Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка, Одесса 1895 г., 245—246.

[4]) Ср. разсужденія по этому поводу у г. Леонтовича, Очерки, р. 212 и прим. Г. Филевичъ сомнѣвается въ значеніи слова „оль на годъ минеть“, ср. Борьба, 108, примѣч.

Общее отношеніе договора Любарта съ Казимиромъ къ договору Казимира со всѣми князьями сводится, по моему мнѣнію, къ тому, 1) что договоръ Любарта заключенъ позже договора со всѣми князьями; 2) что это договоръ срочный, и въ 3) что это вполнѣ самостоятельный дипломатическій актъ, выданный Любартомъ, какъ наслѣдственнымъ княземъ Луцкимъ, и срочность его вовсе не обусловливается необходимостью санкціи со стороны остальныхъ братьевъ, Ольгерда, Кейстута, Явнута. Для доказательства вышесказаннаго я не считаю возможнымъ привлекать такія непрочныя, съ точки зрѣнія историческаго метода, аналогіи, какъ общій характеръ средневѣковыхъ договоровъ, предполагаемая невозможность одного изъ князей—братьевъ заключить окончательный договоръ безъ согласія остальныхъ и пр., что привлекаетъ проф. Леонтовичъ. Подтвержденіе вышесказаннаго я нахожу въ договорѣ. Любартъ говоритъ: „Се язъ князь великый Дмитрий *докончиваю* и повинуюся службою такою". Возможность новаго докончанья предвидѣлъ договоръ Казимира со всѣми князьями, могли понадобиться различныя дополненія и поправки [1]), отчего въ концѣ его и включена статья: „А коли дасть Богъ будет снемъ, тогда новые грамоты дамы межы собою". Очевидно, уже послѣ договора 1366 г. между Любартомъ и Казимиромъ былъ такой *снемъ*, на которомъ князья и рѣшили *докончати*, выяснить нѣкоторые пункты общаго литовско-польскаго договора. Вслѣдствіе близкаго сосѣдства, новаго подѣла территоріи, къ которому извѣка непривыкли ни народъ, ни князья, могли возникнуть территоріальныя и торговыя разногласія, которыя князья и уладили на снемѣ. Если основной договоръ 1366 предвидѣлъ необходимость снема и поправки договора, будучи *вѣчнымъ миромъ*, то вполнѣ правдоподобно, что и новый договоръ, въ силу естественнаго порядка вещей, не могъ быть признанъ окончательнымъ. О своей срочности говоритъ самъ договоръ, въ концѣ котораго встрѣчаемъ статью: „оль на годъ минетъ Дмитриевъ день". Сомнѣваться въ значеніи слова *оль*, какъ это дѣлаютъ проф. Филевичъ и Леонтовичъ, или относитъ это условіе только къ военной помощи, какъ это толкуютъ издатели грамоты,—нѣтъ надобности. *Оли* слово древнерусское; Дювернуа передаетъ его usque ad и приводитъ примѣръ изъ лѣтописи: *оли до моря* (сидѣли). Не вижу основанія предполагать, что договоръ былъ срочный потому, что требовалась санкція Ольгерда, Кейстута и Явнута. Въ дружбѣ братьевъ

---

[1]) В. Б. Антоновичъ, характеризуя договоръ, напечатанный у Нарушевича, замѣчаетъ весьма мѣтко: „Статьи этого договора представляли только полумѣры, не рѣшавшія спорнаго дѣла", Моногр., I, р. 131. Это было высказано задолго до обнародованія втораго договора.

Гедеминовичей нельзя сомнѣваться. Но слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что Любартъ былъ наслѣдственнымъ волынскимъ княземъ (по женской линіи) и притомъ княземъ вполнѣ самостоятельнымъ, связаннымъ съ остальными братьями лишь родствомъ и общностью интересовъ. Договоръ не нарушалъ, какъ увидимъ ниже, общности интересовъ литовскихъ князей, не противорѣчилъ договору ихъ 1366 г., но касался исключительно собственно волынскихъ дѣлъ, въ которыхъ Любартъ, конечно, былъ самостоятеленъ. Договоръ скрѣпленъ подписями волынской рады: владыки луцкаго Арсенія, кн. Даніила (Острожскаго), воеводы луцкаго Ивана, наконецъ Ивана Мстишинскаго, бывшаго со стороны Любарта членомъ литовско-польской коммиссіи по пограничнымъ дѣламъ, и Васьки Кирдѣевича. Срочнымъ же договоръ Любарта былъ потому же, почему и въ общемъ договорѣ предвидѣлась необходимость спема: быть можетъ, Казимиръ и Любартъ предполагали на Дмитріевъ день снова устроить спемъ для улаженія своихъ дѣлъ. Конечно, трудно сказать, кому принадлежитъ введеніе въ оба договора срочности ихъ, при общемъ однако завѣреніи въ вѣчномъ мирѣ. Но едвали въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ видѣть глубокаго политическаго такта Казимира: онъ дорожилъ завоеванною частью Волыни, даже на смертномъ одрѣ заботясь въ укрѣпленіи Владимирскаго замка. Поэтому, желая выиграть время для подготовленія къ возобновленію борьбы съ Литвою, онъ въ тоже время старался отнять у своихъ враговъ, вообще легко нарушавшихъ договоры, поводы къ войнѣ, прельщая ихъ возможностью рѣшать споры дипломатическимъ путемъ. Той же цѣли служитъ и устройство общаго суда по граничнымъ дѣламъ въ договорѣ 1366 г.

Таково общее положеніе договора Любарта съ Казимиромъ Велик. Перехожу къ отдѣльнымъ пунктамъ его.

Важную роль играетъ статья о границахъ Луцкаго и Владимирскаго княжествъ.

По договору 1366 г. со всѣми князьями владѣнія Владимирскаго княжества опредѣляются слѣдующими городами и ихъ *волостями*: Городелъ, Любомль, Турійскъ, Ратевъ (Ратно), Кошеръ, Влучимъ; кромѣ того князья литовскіе уступаютъ королю Кременецъ, Перемиль, Олеско, Белзъ, Грабовецъ, Холмъ, Щебрешинъ, Лопатинъ; къ Луцку отходили: Стожекъ, Даниловъ, Закамень, Шумскъ, Острогъ, Полоный, Межибожье; изъ володимирскихъ волостей король уступаетъ Любарту: Ветлы, Любязь, Чернечгородскъ, Камень, Мельницу [1]). Все

[1]) На современной картѣ перечисленныя мѣстности опредѣляются такъ: *Городелъ* во Владимиро-Вол. у. на р. Бугѣ, къ сѣв. отъ Устилуга (Ср. Ип., 595) (Андріяшевъ, Очеркъ исторіи Волынской земли, К. 1887, р. 93).—*Любомль*—мѣст. того же у. при ж. дор., веду-

это болѣе или менѣе крупные населеные пункты, центры тянувшихъ къ нимъ волостей. Границы же волостей считались, очевидно, извѣстными и въ ближайшемъ ихъ опредѣленіи не было надобности.

Мѣстоположеніе ихъ не возбуждаетъ сомнѣній. Слѣдуетъ только оговорить два—три.

На Луцкой сторонѣ *Камень*, по моему,—теперешній Камень-Коширскій; онъ извѣстенъ въ актахъ или только подъ именемъ Камня или рѣже подъ именемъ Камня-Коширскаго, но нигдѣ не называется

щей изъ Ковеля къ границѣ (Ср. Ип., 608). Въ актахъ см. напр. Arch. Sang., IV, p. 309, 167.—*Турійскъ*—на р. Туріи, ближе къ ея верховьямъ, въ Ковельскомъ у. (Ср. Ип., 175, 483, 544).—*Ратевъ*—мѣст. Ратно въ Ковельскомъ у. на верховьяхъ Припяти. Извѣстенъ изъ актовъ. Ср. Codex Epist. Vitoldi, p. 35.—*Влучимъ*—нынѣ Овлочимъ, с. Владим.-Вол. у., недалеко отъ верховьевъ Туріи и границы у. Въ актахъ ср. Памятники Кіев. Арх. К., IV, отд. 2, p. 26.—*Кременецъ*—у. гор. Волынской губ.—*Перемиль*—с. Перемиль въ Дубенскомъ у., у верховьевъ Стыри, недалеко отъ м. Берестечка, здѣсь недалеко и м. Боремель. О немъ говоритъ Ип. 568, (ср. Андріяшевъ, p. 67). Въ актахъ полов. XV в. встрѣчаемъ Перемильскій повѣтъ, Arch. Sang., I, p. 45, 47.—*Олеско*—м. въ Галиціи къ сѣв. отъ Злочева, въ лѣтописи не встрѣчается. По раздѣльному акту 1475 г. кн. Мих. Збаражскому достался „Вишневецъ твержа со всими тыми селы горѣ Горинею олиж до самои граници Олескои“, Arch. Sang., I, p. 71.—*Белзъ*—гор. въ Галиціи.—*Грабовецъ*—м. между Грубешовымъ и Красноставомъ. О немъ говоритъ лѣтопись (Ип., 572) (ср. Андріяшевъ, op. c., p. 93, Барсовъ, Словарь). Хотя изъ актовъ извѣстно Грабово на Волыни (въ Ковельскомъ у., напр., Arch. Sang., IV, 237 и др.), но несомнѣнно Грабовецъ договора находился въ Холмской землѣ, п. ч. стоитъ рядомъ съ Холмомъ, Бельзомъ, Щебрешинымъ и Лопатинымъ, слѣд. совпадаетъ съ лѣтописнымъ.—*Холмъ*—н. у. гор. Люблинской губ.—*Щебрешинъ* и *Лопатинъ*—Червенскіе города.—*Стожекъ*—с. Кременецкаго у., сѣвернѣе Кременца, недалеко отъ границы уѣзда (ср. Ип., 562, 600, Акты Зап. Р., I, p. 1) (Андріяшевъ, op. c., 69). Ср. Памятники Кіев. Археогр. К., IV, отд. 2, 208.—*Даниловъ*—вѣроятно н. с. около Теофиполя у верховьевъ Горыни и границъ Заславскаго и Кременецкаго у. Лѣтопись называетъ его *градомъ* (Ип., 523). Мѣстоположеніе его опредѣляется приблизительно, согласно съ лѣтописнымъ разсказомъ (Андріяшевъ, op. c., p. 70), въ актахъ онъ не упоминается.—*Шумскъ*—въ Кременецкомъ у. у верховьевъ Виліи, впадающей въ Горынь. Извѣстенъ въ лѣтописи (Ип., 373, Лавр., 482) (Андріяшевъ, Оч. ист. Вол. земли, 71). Ср. Памятники Кіев. Арх. К., IV, отд. 2, p. 202.—*Острогъ*—н. у. гор. Волынской губ.—*Полоный*—нынѣ м. на р. Хоморѣ, притокѣ Случи. Полоный извѣстенъ еще лѣтописи (Ип., 514) и положеніе его опредѣляется вполнѣ точно (ср. Барсовъ, Очерки р. ист. геогр., 1885, p. 128; объ отличіи Полонаго 1234 г. отъ Полонаго 1170 и 1195 г. см. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли, К. 1891, p. 42 и 44; Андріяшевъ, op. c., p. 67 и 74). Мѣстность много разъ встрѣчающаяся въ актахъ (см. указат. Новицкаго къ изд. Кіев. Арх. К.)—*Межибожье*—н. м. на Бугѣ въ Подольск. губ. при устьѣ Бужка. Оно уже нѣсколько разъ встрѣчается въ лѣтописи (Ип. 234, 243, 257, 502, 555) и упоминается въ числѣ Болоховскихъ городовъ (ср. Андріяшевъ, Оч. ист. Вол. земли, p. 73, Дашкевичъ, Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ, К. 1884, p. 28).—*Ветлы*—с. на р. Припяти, недалеко отъ границы губерніи. Встрѣчается въ актахъ, напр. въ привилегіи Казимира Сангушку на Ратно и Ветлы 1443 г., Arch. Sang., I, p. 48.—*Любязь*—на Припяти въ Пинскомъ у. при озерѣ того же имени. Въ актахъ см напр. Arch. Sang., IV, 159, 161, 253, 373.—*Мельница*—м. Ковельскаго у. между Стоходомъ и Туріею, недалеко отъ ж. дор. Ровно—Ковель (Ип., 530, 566). Встрѣчаются въ актахъ нач. XVI в. (Arch. Sang., III., p. 71).

прямо Кошеромъ [1]). Камень договора соотвѣтствуетъ лѣтописному Каменю [2]).

Слѣдовательно считать его Казимировою волостью, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, нѣтъ основаній. Кошеръ договора находился къ западу отъ Туріи, недалеко отъ Ковеля, гдѣ теперь Старые и Новые Кошеры. Кошеры на этомъ мѣстѣ извѣстны изъ актовъ и отличаются отъ Каменя. Камень получилъ свое названіе Коширского вслѣдствіе принадлежности линіи князей Коширскихъ, владѣвшихъ и Кошеромъ [3]).

Остается отмѣтить еще Чернечгородокъ—теперешній Городокъ, близь дороги, ведущей изъ Ровно въ Пинскъ; въ нач. XVI в. здѣсь была Черногородская пуща [4]). Наконецъ, относить *Закамень* къ м. Подкаменю въ Галиціи [5]) нельзя; онъ находился бы въ срединѣ владѣній Казимировыхъ. Закамень находился гораздо восточнѣе и точнаго мѣстоположенія его мы не знаемъ [6]).

Въ договорѣ названы и срединные и пограничные волости.

Пограничныя волости съ польской стороны были слѣдующія: (начинаю съ сѣвера): Ратно, Кошеръ, Турійскъ, Владиміръ, Перемиль, Броды, Кременецъ.—Съ луцкой: Ветлы, Любязь, Камень, Мель-

[1]) „W kamieni kniazia Koszyrskoho po dwa hroszy berut“, Памятники Кіев. Археогр. Ком., IV, отд. II, p. 132; „Zasia kniaziu Koszyrskomu w Kamiani....niczoho nie brati“, ibid., p. 141; „Арендаръ Каменскій“, Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VI, т. I, p. 217, 218. „Отъ князя его милости Коширского съ Каменя“, ibid., p. 220; въ актѣ 1523 г. только—Камень, Arch. Sang., III, p. 257; ср. ibid., IV, 252, 406; Арх. Юго-Зап. Р., ч. II, т. I, p. 276. По раздѣльному акту 1502 г. кн. Андрей Сангушковичъ съ кн. Анной получали отдѣльныя половины изъ волости Кошерской съ прилегающими селеньями, которыя и теперь находятся вокругъ Кошеръ, на зап. отъ Туріи, и изъ города Каменя съ селеньями, Arch. Sang., I, p. 147.

[2]) Рать Миндовга воевала *около Каменца*, (въ Хлѣбник. сп. *Камена*, что правильно); Василько же, гналъ Литовцевъ „ольно до Ясолны“, Ип., p. 266. Андріяшевъ неосновательно считаетъ *Каменецъ* Ип. 468 и 487 Камнемъ, хотя Барсовъ и разобралъ относящіяся сюда данныя, Оч. рус. истор. геогр., 1885, p. 117 и 287—289, ср. p. 121.

[3]) Въ актѣ 1519 г.—прямо Коширъ, Arch. Sang. III, p. 188; въ 1537 г. пограничная коммиссія, разграничивая имѣніе Хотешево кн. Ковельскаго съ сел. Речицою (на Припяти) кн. Коширскаго, проѣхала отъ Кошира до Мезова; Камень въ этомъ актѣ отличается отъ Кошера, хотя издатели оба селенія считаютъ Камнемъ-Коширскимъ, Arch. Sang., IV, 104—105; ср. ibid., p. 173, 175, 228; Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, p. 532.

[4]) Андріяшевъ отказывается опредѣлить положеніе Чернь-Городка, Очеркъ исторіи Волынской земли, p. 59. Но акты хорошо знаютъ эту мѣстность, ср. ограниченіе пущи Черногородской, Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, Вильна 1867, p. 4—5; Черчій Городокъ съ приселкомъ Моневичи (въ нѣск. верстахъ отъ указаннаго Городка), Памятники Кіевск. Археогр. Коммис., IV, отд. II, p. 161, 165, 167, ibid, т. IV, отд. II, p. 17 и слѣд.; въ обоихъ послѣднихъ актахъ Черчгородокъ окруженъ селами (Колки, Козлиничи, Маневичи, Бруховичи и др.), которыя группируются и въ настоящее время около Городка; ср. Arch. Sang., IV, p. 353; Давнаръ-Запольскій, Описаніе документовъ и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст., т. XI, p. 48.

[5]) Ивановъ, op. cit., p. 102, Андріяшевъ, op. cit., p. 71.

[6]) Отказывается опредѣлить его и Чучинскій, op. cit.

ница, Луцкъ, Стожекъ, Шумскъ, Даниловъ, Межибожье. Сѣверныя граничныя волости обѣихъ сторонъ близко подходятъ къ Туріи (Ратно,—Ветлы, Камень, Кошеръ—Мельница). Вполнѣ вѣроятно поэтому, что границей была р. Турія. Но Турійскъ, польская волость, находится на самой Туріи, слѣд. его округъ могъ быть расположенъ по обѣ стороны рѣки. Естественная граница здѣсь прерывается. Между Турійскимъ на сѣв. и Перемилемъ и Стожкомъ на югѣ, на пространствѣ, равняющемся почти третьей части всей граничной линіи, нѣтъ ни естественной границы, ни граничныхъ пунктовъ. Между тѣмъ эта мѣстность—самая важная для обѣихъ сторонъ: съ вост. и зап. ея къ ней примыкаютъ столицы княжествъ Луцкъ и Владимиръ. Между Владимиромъ и Луцкомъ были торговыя дороги, мытныя коморы уже въ XIV в., пространство это, вѣроятно, было густо заселено. Естественно, при неопредѣленности границы между столичными пунктами могли возникнуть недоразумѣнія. Границу нужно было обозначить точнѣе. Этой цѣли служитъ статья о границахъ въ договорѣ Любарта, которая приводитъ въ недоумѣніе изслѣдователей.

По этой статьѣ къ Владимирскому княжеству „отступаетъ“: по Уймицу, по Песчаный Бродъ, по Ефимково село, отъ Ефимкова с. по Марковъ ставъ, по Львовскую дорогу къ Скоморохамъ; это одна часть границы. Здѣсь названы уже не волости и города, а мелкіе пункты (дорога, ставъ, мостъ). Изъ названныхъ мѣстностей Ефимкова села никому опредѣлить не удалось, нѣтъ его и въ актахъ. Остальныя можно прикрѣпить на картѣ и подтвердить ихъ географическое положеніе документами XIV—XV вв.

С. Уймица находится въ Локачевской вол. Владимирскаго у.; около нее Уймы. Оно извѣстно по другимъ грамотамъ съ XV в. [1]). Песчаный Бродъ извѣстенъ изъ грамоты Любарта 1322 г. [2]) и изъ одного разграниченія 1488 г. [3]); его нѣтъ на теперешнихъ картахъ, по

[1]) А. Ю. и З. Р., I, № 112 (с. Уйма); Памятники изд. Кіев. Археограф. К., I, отд. 2, 126, 128, 138.

[2]) Село Рожысче дано съ бобровыми гонами по Стыру противъ островов: Переделокъ, Струги, Глименца, Высчона, Тополного, Мошонки, Свинки, Кобуча. Обводъ: „Почовъ отъ Песчанки бродку, одъ граници Сениковъ дорогою звечыстою до Любецкого мосту на болоте речъки Лютыцы, по половине зъ Любчемъ грань.. до Колодезыковъ...къ Соколю... Бродницей подъ Белую гору, Стыромъ речкою Чолницею до мосту, на дорозе зъ Дубисчъ до своза, где се Чолница зъ Ретовкою сходитъ, а Ретовкою до Чижовки...ажъ ку Прудинку идучи, увесь лесъ Ретовъ за РетовкОю къ Рожысчомъ“.

Почти всѣ эти селенія находятся на картѣ и въ настоящее время, Арх. Юго-Зап. Р., т. I, ч. VI, р. 2.

[3]) Арх. Санг., I, р. 242: Олизаръ Шиловичъ даетъ. ки Богдану Васильевичу с. Любче съ приселками Доросинемъ, Друзкою, Залѣсцами, и Козинымъ-Островомъ. Обводъ „Почонши посередъ Мухотолок рекою Люгицею до Мосту и великому гостинцу, великимъ гостинцомъ до Песчаного Броду по Трестянку... къ Стоходу.

опредѣляется онъ очень точно: Песчаный Бродъ находился около рѣчки Тристяницы, впадающей съ лѣвой стороны въ Стоходъ, у верховьевъ его.

Маркоставъ находится на югу отъ Владимира, у сліяніи обоихъ Луговъ. Наконецъ, Скоморохи находятся на Бугѣ, сѣвернѣе Сокала [1]).

Песчаный Бродъ и Уймица лежатъ къ востоку отъ Владимира, Маркоставъ и Скоморохи—къ югу. Всѣ четыре мѣстности какъ разъ лежатъ между Владимиромъ на западѣ и Луцкомъ на востокѣ, Турійскомъ на сѣверѣ и Перемилемъ на югѣ—на томъ пространствѣ, которое, какъ я отмѣтилъ, оказалось наименѣе ограниченнымъ по договору со всѣми князьями. Указавъ на эту границу, договоръ продолжаетъ: „А отъ Пѣсчана Броду по пинский мостъ, а оттолѣ по Турью, поколѣ Турья прошла". Г. Филевичъ утверждаетъ, что граница доходила до верховьевъ Туріи; съ нимъ, очевидно, соглашается и г. Леонтовичъ. По моему, текстъ не возбуждаетъ сомнѣній: отъ Песчанаго Броду, сѣвернаго пункта вновь опредѣляемой границы, граница идетъ на Пинскій мостъ (мѣстоположеніе неизвѣстно) [2]) къ р. Туріи и затѣмъ по Туріи „поколѣ" она прошла, т. е. до ея впаденія въ Припять („поколь", по словарю Дювернуа, значитъ usque ad). Такъ какъ Турійскъ былъ въ числѣ польскихъ владѣній, то граница по Туріи, очевидно, начиналась сѣвернѣе Турійска.

Изъ этого обзора географической статьи договора, надѣюсь, совершенно ясно, что она вовсе не противорѣчитъ разграниченію, сдѣланному въ договорѣ со всѣми князьями. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ договорѣ, граница идетъ къ сѣв. отъ Турійска по р. Туріи; дальнѣйшая граница на сѣверъ, повидимому, не возбуждала сомнѣній. Въ такомъ же положеніи договаривающіяся стороны считаютъ и границу, начинающуюся южнѣе Львовской дороги и с. Скомороховъ [3]). На польской сторонѣ оставались, согласно съ договоромъ со всѣми князьями, Перемиль, Олеско, Броды и Кременецъ.

---

[1]) Архив. Юго-Зап. Р, I, ч. 4, р. 548.

[2]) Впрочемъ *мостъ* упоминается въ гр. 1488 г. около Песчана Брода на р. Лютицѣ; мостъ—на *великомъ гостинцѣ* т. е. вѣроятно на дорогѣ изъ Луцка въ Пинскъ, Arch. Sang, I, 142; повидимому, тотъ же *мостъ* упоминается въ цитированной грамотѣ Любарта 1322 года.

[3]) Интересно, что разграниченіе Волыни 1366 г. въ значительной мѣрѣ сохранилось и въ послѣдующее время, когда корона Польши перешла къ литовскому князю. По разграниченію 1546 г. въ числѣ давнихъ польскихъ владѣній признана область по Припяти отъ Ветлянъ и устья р. Выжевки на западъ, и вся область къ зап. отъ Туріи, отъ ея устья. Только Турійскъ и Владиміръ причислялись тогда къ Волыни. Ср. ст. Шолковича въ „Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи", II, Вильна, 1887 г.

Слѣдуетъ сдѣлать еще двѣ оговорки. Выраженіе договора относительно южнаго пункта опредѣляемой границы можно понимать двояко,—вслѣдствіе неясности текста. Выраженіе „отъ Маркова става по Львовскую дорогу къ Скоморохамъ" не даетъ яснаго представленія, доходила-ли новая граница къ Скоморохамъ, или же поворотный пунктъ ея къ югу начинался отъ Львовской дороги, принимавшей здѣсь направленіе къ Скоморохамъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, существенной разницы не будетъ.

Я уже замѣтилъ, что статья о торговлѣ возбуждаетъ сомнѣнія: одни считаютъ ее уступкой со стороны Казимира Любарту, другіе—наоборотъ. Мнѣ представляется эта статья обоюднымъ обязательствомъ договаривающихся сторонъ. Договоръ говоритъ: а мыто непримышляти, но какъ извѣка пошло; гости могутъ направляться по старымъ дорогамъ, куда хотятъ (т. е. въ Луцкъ или во Владимиръ); гостя нельзя приневоливать идти (т. е. въ тотъ или другой городъ), но куда онъ хочетъ, пусть туда и идетъ. Оба князя заботились о развитіи торговли, издавали грамоты по этому вопросу, для обоихъ было важно, чтобы ни одна сторона не измѣняла старыхъ дорогъ, по которымъ шла торговля, чтобы ни одна сторона не повышала торговыхъ пошлинъ настолько, чтобы равномѣрный привозъ товаровъ могъ измѣниться или же и совсѣмъ прекратиться.

Статьи о торговлѣ нѣтъ въ договорѣ со всѣми князьями; но такъ какъ она не содержитъ уступки ни съ одной стороны, то слѣдовательно она и не противорѣчитъ ему. Далѣе слѣдуетъ очень важная статья о военной помощи.

Договоръ Любарта дѣлаетъ на этотъ счетъ слѣд. постановленіе: Любартъ помогаетъ Казимиру на всякаго непріятеля, кромѣ своей братьи, „безъ всякой хитрости и льсти"; если онъ будетъ недоспѣшенъ выступить своимъ животомъ, то посылаетъ своихъ людей; но если братья князя пойдутъ на короля, Любартъ не помогаетъ братьямъ; король, въ свою очередь помогаетъ Любарту на его непріятелей безъ всякой хитрости.

Эта статья также совпадаетъ съ договоромъ Казимира со всѣми князьями. Въ послѣднемъ о взаимной военпомощи говорится: если вел. князь Ольгердъ съ братомъ своимъ королемъ польскимъ пойдетъ на войну, то и Любартъ идетъ со всѣми своими войсками; если одинъ король идетъ на непріятелей, то Любартъ и ему помогаетъ; если же Любартъ воюетъ, король въ свою очередь помогаетъ ему. Въ этой статьѣ нѣтъ одного условія: не предвидится возможность столкновенія Казимира съ владѣтелями Литвы. Но изъ этой же статьи видно, что Любартъ былъ связанъ обязательствомъ военной помощи съ Казимиромъ

въ большей мѣрѣ, чѣмъ со своими братьями: Любартъ помогаетъ и братьямъ, если съ ними идетъ король; обязанъ-ли Любартъ помогать братьямъ однимъ,—договоръ умалчиваетъ. Далѣе, луцкій князь обязывается помогать королю на непріятеля; этимъ непріятелемъ могли быть и братья самого Любарта. Въ случаѣ разрыва короля съ Ольгердомъ, король не могъ надѣяться на такого союзника какъ Любартъ: ему слишкомъ хорошо были извѣстны дружественныя отношенія князей-братьевъ. Въ случаѣ войны, разрывъ съ Любартомъ, или измѣна съ его стороны, были бы неизбѣжны, такъ какъ условіе помощи противъ братьевъ для Любарта было бы нравственно невыполнимо. И вотъ обѣ договаривающіяся стороны разъясняютъ темноватый пунктъ перваго договора. Да и не въ интересахъ Казимира было бы доводить непріятеля до отчаянія, ставя ему тяжелыя въ нравственномъ отношеніи обязательства: для него былъ гораздо важнѣе такой миръ, которымъ бы былъ доволенъ разбитый Любартъ и оставался бы нейтральнымъ въ случаѣ столкновенія короля съ литовцами. При заключеніи договора со всѣми князьями разрыва непредвидѣлось (т. е. о немъ не говорилось). Но на второй годъ обстоятельства указали на возможность разрыва: сохранилось темное извѣстіе о нападеніи Кейстута на Пултускъ въ 1368 году, о чемъ упоминаетъ Янъ и Длугошъ[1]) и папа. [2]) Быть можетъ, это обстоятельство и дало поводъ выяснить статью о военной помощи. Въ такомъ случаѣ и самое заключеніе договора слѣдовало бы отнести къ 1368—1369 гг.[2])

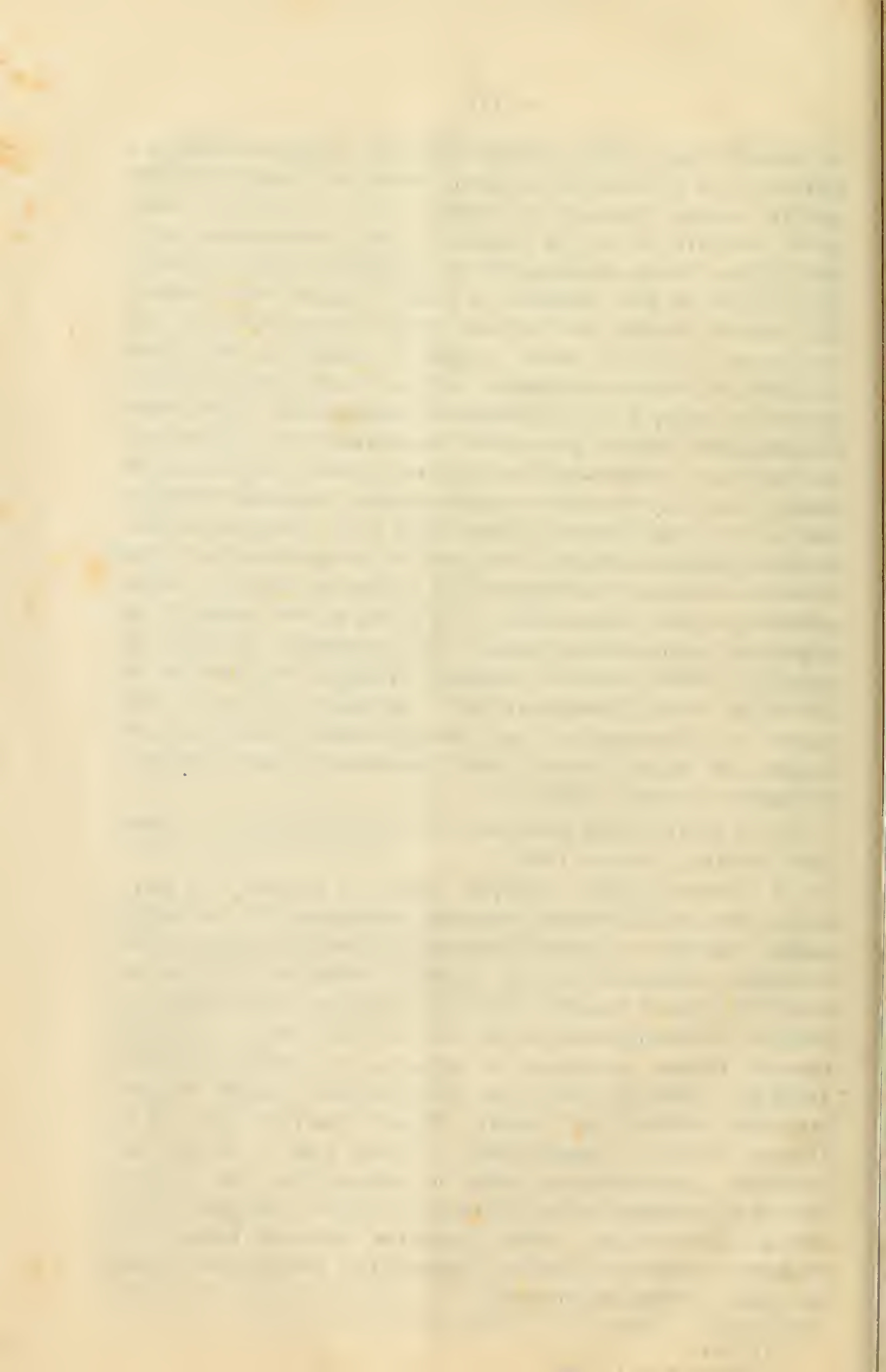
И въ этомъ пунктѣ договора я не вижу противорѣчія съ основными началами договора 1366 г.

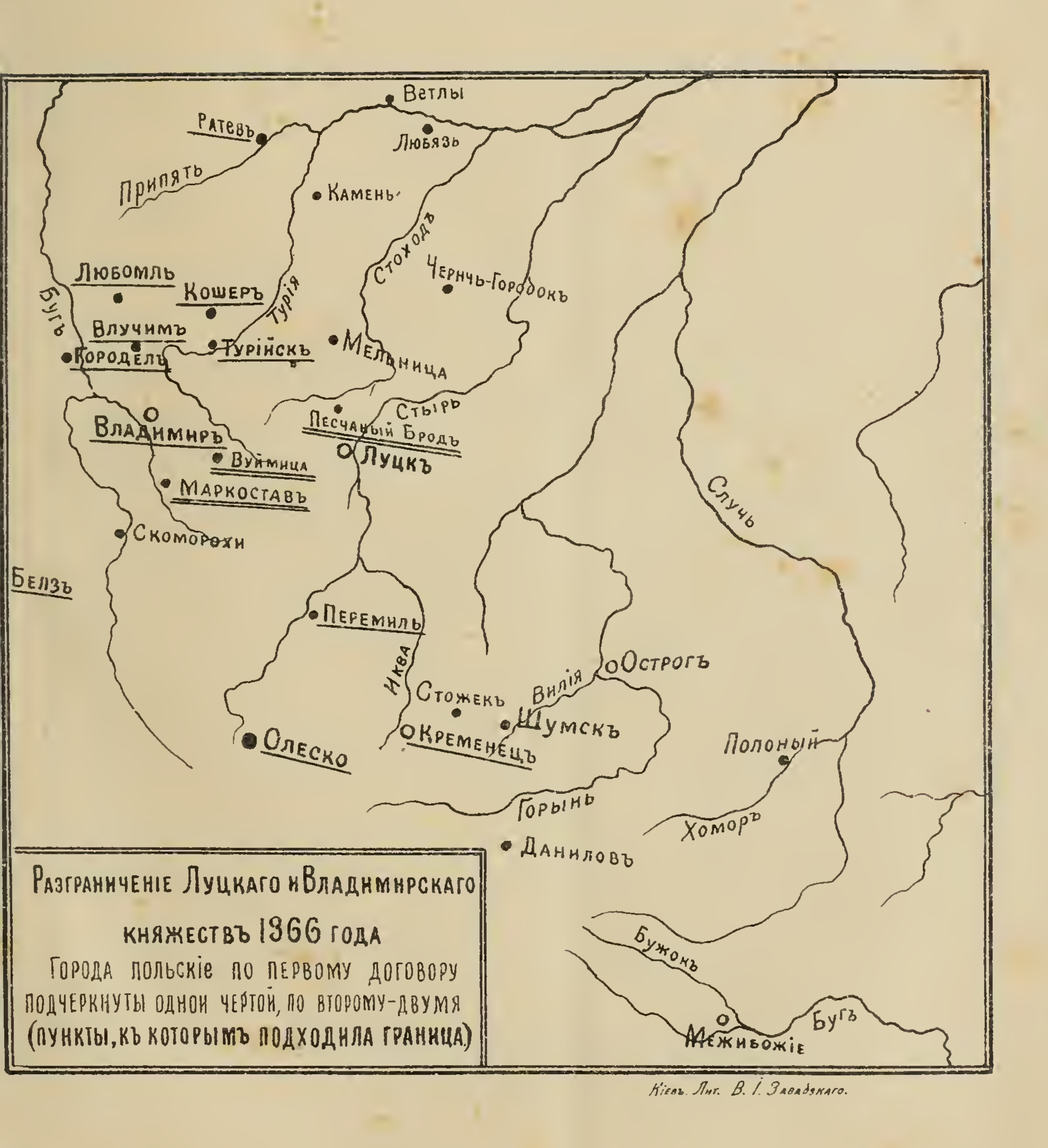
Я окончилъ разборъ договоровъ 1366 г. и позволю себѣ повторить въ нѣсколькихъ словахъ положенія, вытекающія изъ настоящаго разбора. Подлинность договора Казимира со всѣми литовскими князьями не подлежитъ сомнѣнію. Договоръ короля съ Любартомъ вытекаетъ изъ одного изъ условій договора 1366 г., въ которомъ предвидѣлась возможность дополнительныхъ договоровъ; въ силу того же условія въ договорѣ Любарта опредѣлена его срочность, но заключенъ онъ былъ Любартомъ самостоятельно, какъ владѣтельнымъ луцкимъ княземъ. Заключеніе договора, быть можетъ, слѣдуетъ отнести къ 1368—69 гг. Договоръ Любарта не противорѣчитъ договору 1366 г.: въ него внесены лишь дополнительныя статьи о разграниченіи, объ условіяхъ торговли и разъясненіе касательно военной помощи. Нѣкоторыя статьи договора обличаютъ руку тонкаго дипламата: стремленіе поставить въ нейтральное положеніе Любарта, предотвратить возможность разрыва было всего необходимѣе Казимиру.

---

[1]) I, 1154.

[2]) Theiner, M. P., I, № 882.

Кіевъ. Лит. В. І. Завадзкаго.